

PL → 27.
HFSI

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

R
WSI

16332

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ
ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

СТИХИ *св. 932*

Бульварная ЦЭС
Сев. Каз. обл.

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»

1983

Р 2
Ш 51

Шестериков Владимир.
Ш 51 Второе зрение: Стихи. — Алма-Ата:
Жазушы, 1983. — 64 с.

Эта книга — размышления о самом сокровенном: нравственных ценностях человека, о кровной связи с родной землей, о верности традициям старшего поколения. Поэта волнует историческое прошлое и сегодняшние будни степного края.

Рецензенты: *Н. Чернова и Г. Кругляков*, члены СП СССР.

Р 2

Ш 4702010200—88
402(05)83 182—83

© «Жазушы», 1983.

* * *

Отлиты строки из металла...
Газетных гранок верный страж,
Склонился над станком верстальным
Седой усатый метранпаж.
Здесь мирный фронт.

Но в этом гуле

Я вижу на войне отца...

Отлито слово,

как и пуля,

В горячем цехе —

из свинца.

Оно не сгинет,

не растает,

Как под весенним солнцем лед,

Когда звучание металла

В моих устах приобретет.

РУЧЕЙ

В зеркальной глади ручейка —
Твое лицо.

И облака.

И отражаются деревья,
И чей-то дом.

И вся деревня.

И отправляет в путь
с утра

В нем флот бумажный детвора.
Быть можно морем
и рекой,

А можно —

просто ручейком —

И тоже радовать людей...

Весь мир вмещается в ручей!

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Когда-то, как жизни основе,

Учили меня не спеша:

Вот скажешь волшебное слово —
Засветится солнцем душа.

Простят и обиды, и шалости,

И будешь всем дорог и мил,

Всегда говорите — «пожалуйста»

Нас в детстве учитель учил.

Неведомой силой влекомы,

Про игры забыв и кино,

Пытали мы бабушек дома:

Да есть ли на свете оно?

Такое волшебное слово,

Чтоб людям с ним стало светло,
Чтоб в тень отступило все злое,
А доброе в души вошло.
А бабушка, сидя за пряжей,
Нам тихо, как добрую весть,
Помедлив, загадочно скажет:
Ищите, родимые! Есть!
Признаюсь:

с поры той по свету
Его находил я не раз
В твореньях любимых поэтов,
В народной премудрости фраз.
Но снова, как жизни основу,
Как дар самоцветный её,
Ищу я волшебное слово,
Но только, поймите, своё.
На радость себе
 или горесть,
Но прежде чем слову расцвести,
Я слышу тот бабушкин голос:
Ищите, родимые!
 Есть!

РОЛЬ

Какой подъем!
 Какой накал!
Летят отточенные фразы...
А я на сцене не играл,
Никем не смог я быть ни разу.
Не превращал меня Шекспир
Ни в лицедея, ни в злодея...
... Но шел спектакль.
 И я спросил:

Зачем пришел я в этот мир,
Чего достиг?

Чего не сделал?

Ведь, как в театре, как в кино,
По доброй и недоброй воле
И зрителям отведено
Играть на сцене жизни роли.
А если выбор есть — тогда
Играют ту, что им удобней...
Мой друг!

Я верю — никогда
Не будешь в роли ты подобной.
Чтоб понимать чужую боль
И доброты людской раздолье...
На свете нет труднее роли,
Чем быть всегда самим собой.

ОГОНЕК

Шаг еще — и свалит ветер с ног,
Одолеет путника усталость.
Но блеснул далекий огонек
И — тревог дорожных не осталось.
Он, мерцая, свет дрожащий льет.
Значит —

не потеряна надежда
Завернуть туда,
где есть жилье.

Выпить чаю.

Высушить одежду.
Постучишь —

и выйдет на мороз
Сам хозяин.

Встретит, словно друга.

И к утру, как сумасшедший пес
В конуру забравшись,—

стихнет вьюга.

Огонек души!

Ты был и есть

Для идущих доброю надеждой.

То исчезнешь,

подавая весть,

То опять звездой печальной брезжишь.

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Есть легенда,

где слепец столетний,

Истину одну познал в пути,—

Надо, убедился он, ослепнуть,

Чтобы силу зренья обрести.

Эту мудрость мы поймем и сами

В шуме дня,

в глухой ночной тиши,—

Не увидишь никогда глазами

То, что видно зрением души.

Когда свет ее высокий льется,

Ощутима радость и беда...

Так со дна глубокого колодца

Днем видна полночная звезда.

Чтоб понять людских сердец волненья,

Различать добро

и видеть зло,

Как хочу я,

чтоб второе зренье

И ко мне когда-нибудь пришло.

КАРДИОГРАММА

Здесь, на бумажной ленте,
 целый заговор,
Ты карту времени, дружище-врач,
 не прячь,
Давай-ка вместе разберем зигзаги
Всех горестей моих,
 удач и неудач.

Здесь будет все —
 находки и потери,
Любовь,
 с которой горько не сошлись,
Неверие...

 Но больше все же веры
В мудреную лихую штуку —
 жизнь.

... Замысловаты линий ответвления,
Нелегких, неизведанных, крутых,
Как будто судьбы целых поколений,
Как путь-дороги сверстников моих.
Спасибо, доктор!

 Сделано неплохо.
За каждую отметкой — вечный бой.
Кардиограмма всей моей эпохи
Легко сейчас прочитана тобой.

НОЧНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Звонки в квартире часты и упрямы.
Но я в полночный час
 звонкам не рад,
Когда ночные птицы-телеграммы
Тревожным хриплым голосом кричат.

Посыльный смотрит на меня с участием,
Так в дверь глядит входящая беда.
Расписываться в собственном несчастье —
На белом свете горше нет труда.
А жизнь шумит ликующим прибоем,
Людской поток раскованно течет.
Но с каждым годом на душе пробоин
Все больше.

И растет утратам счет.
И по ночам гремят звонки упрямо —
И от беды уйти не удалось...
Ко мне звонок?

Но нет... не телеграмма,
А входит, к счастью,
запоздалый гость.

Он говорит о чем-то увлеченно,
Готов его я слушать до утра
И угощать, вздыхая облегченно:
Сегодня обошлось без телеграмм.

ЛЕБЕДИ

Лебеди летят над лебедой,
Вышел в поле полдень молодой.
Сток соломы,

ветлы у реки...
Тихая деревня Лебедки.
Вымахала лихо лебеда.
Лыком подпоясалась беда!

У плетня —
прощальный взмах руки.

Тихая деревня Лебедки.
Буйно в те голодные года
Лезла вместо хлеба лебеда.

Лебедки!

За ними вся страна.

... Высечены павших имена.

Не вернулись лебеди домой.

Темные платки над лебедой.

Ждут они который год подряд:

Может быть, сегодня прилетят?

ПЕРВЫЙ ОГОНЬ

Его добыть сейчас нетрудно:

Всегда есть спички у меня.

А ты задумайся над чудом

Рожденья первого огня.

Как был он нашим предкам близок,

Брусок точившим о брусок.

... А мы вмещали солнце в линзу —

И плыл заманчивый дымок.

Не сразу удалась затея:

Добыть огонь — нелегкий труд,

Но я поверил:

Прометей

В нас с детства самого живут.

Лучи палящие тасуя

Под круглым выпуклым стеклом,

Открыл я истину простую:

Огонь рождается огнем.

Так пусть наш первый лед растает,

Прости, любимая, меня,

Что нам с тобою не хватает

С трудом добытого огня.

УГОЛ

Я с детства угол рисовал.

П. Коган

Округлость свойственна земле:
Округлы яблоко и юрта,
Округлым караваем хлеб
Стол золотит нам каждым утром.
Округлость форм тебе дана,—
В ней свежесть лета,
 легкость луга,
Но почему так тесно нам
В пределах замкнутого круга?
В нем волны хмуры и туги,
Вращенью нет конца и края.
И только лишь круги, круги
Вода безумная смыкает.
Смыкает яростней и злей,
И трудно выйти нам из круга,
Округлость свойственна земле,
Но мы рисуем все же угол!

* * *

За косогором колосится рожь,
Поляны разбегаются лесные,
Ты выйдешь на опушку
 и вздохнешь,
И выдохнешь душою всей —
 Россия!
Там, за рекою синей,
 кони ржут.
Блестят озера светлыми оконцами,
Я к племени тому принадлежу,
Что выбрало издревле в боги солнце.

И полоснуг,
как трелью соловья,
От частых повторений не увянув,
Родившиеся в древности слова,
Чтоб жить навеки —

слава и славяне.

Не потому ли дробный стук подков
Во мне тревогой тайной отдается...
И что же примешалось в мою кровь
С раскосой каплей кочевого солнца?
И я легко поверю в этот миг
Легенде предков, что однажды утром,
Из дальних прародителей моих
Родился кто-то в круглой белой юрте.
Не оттого ли черные, как смоль,
И жесткие мне ветер треплет кудри,
И мне милы ветров горячих соль
И аксакалов сдержанная мудрость.

* * *

А гриб чудовищный потряс
Вселенную...
с душевной дрожью
В воображении не раз
Я видел то, что мир тревожит.
И ты представить не забудь,
Идя по лугу или тропке,
Как вдруг случайно кто-нибудь
Нажмет на гибельную кнопку.
И упадут деревья ниц,
И опалит грозою степи,
И смолкнет в роще пенье птиц,
И — только пепел.

Только пепел...

Замрет в душе безмолвный крик,
В суровом сумраке немея,
Перед глазами в этот миг
Пройдет «Последний день Помпеи».
Планета, холодом обдав,
Сойдет в зловещий мрак распада.
Нет!

Лучше больше никогда
Не видеть мне такого ада.
Я наконец переступил
Картины сумрачной границу,
И снова колос зрел в степи,
Смеялись дети.

Пели птицы.

Плескались реки и поля,
Я шел с огромным миром рядом,
И так не верил, что Земля
Сама вращается снарядом.

* * *

Пикируют птицы

все ниже и ниже,

Нагрета лучами весенними почва,

Как весело в мае прорвалось

и брызжет

Зеленое пламя

из лопнувших почек!

Смотрю на тебя я

в немом изумленье,

Ты вся в озаренье,

как в свете заката,

И ввысь прорастает,

врываясь в расщелины,

Трава,

что покамест никем не примята.

Ты слышишь,

как вдруг в эту пору весеннюю,
У сердца высокие струны затронув,
Ударил набат молодого цветения,
Как отзвук далекий весеннего грома.
И солнце прорвалось сквозь тучи рассеянно,
И трепетно вздрогнула первая зелень,
И дождь зашумел,—

словно зерна из сеялок

Ложатся рядками в нагретую землю.
Давай под дождем этим первым побродим,
Покружим с тобой в этом ливневом танце...
Вот так возвращаются в первую молодость,
Чтоб с нею уже никогда не расстаться.
Пусть хлещет вода по раскатистым стокам
И зреет в душе незнакомая песня.
Но кто-то захлопнет окно без восторга,
А где-то —

для счастья и жизни воскреснет.

НЕ В СЧЕТ

У взрослых игры не случайны,
И в них обман есть и расчет,
Когда ошибки в них нечаянны,
Я тихо говорю:

«Не в счет».

Не в счет,

когда тропой рассветной
Идешь с товарищем в поход,—
И отодвинутая ветка
Тебя нечаянно хлестнет.

Не в счет,
 когда снежки бросая,
Тебе открыто, не тайком,
Но так, что ток тебя пронзает,
В лицо залепят снежный ком.
Не в счет,
 когда, как в мир огромный,
Где есть заветная звезда,
Уходят от тебя к другому,
Уходят гордо.

 Навсегда.

Не в счет,
 когда тебе без ярости,
Как другу,
 а не подлецу,
Выносят суд твои товарищи
Лицом к лицу.
 Лицом к лицу.
Неблагодарная работа,
Но жизнь сама тебе сочтет
И счет,
 предъявленный за что-то,
И благодарное — «Не в счет».

МАНЕКЕНЫ

Стоим.
 Глазеем на витрины...
И отражаются морщины,
И пордевших чубов проседь,
Следы забот.
 И нет, не осень
В глазах невыцветших осталась,
А только первая усталость.

Там, за витриной, манекены.
У них и модны, и отменны
Костюмы,

брови и ресницы...

Довольны кукольные лица.
Бесстрастно смотрят манекены
На нас, ребят послевоенных,
А мы, а мы...

Да, я не скрою,—

Не так мы «сшиты»,

хуже «скроены».

Все безупречно в манекенах,
Что ж!

Их не мучают сомненья.

Их не секут в дороге ветры,

И годы им не ставят метку.

А мы в подушку слезы прячем:

Быть может, надо жить иначе?

Себя раздумьями мы мучаем

Всегда ли делали, как лучше.

Никак не вырвешься из плена

Вопросов, жгущих по ночам...

Но вдруг я вздрогнул:

манекены

С витрин завидовали нам.

О, как инструкцию нарушив,

Вложить бы в них живую душу,

Да нараспашку,

шире поля,

Чтоб смех, как искры,

радость с болью.

Так, вырви кто-нибудь из плена

Пустых обманчивых прикрас

С витрин сошедших манекенов,

Еще живущих среди нас!

ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО

Мы глядели в цветное стекло,
Восхищение миром не пряча,
Когда в наших глазах расцвело
Все, что виделось раньше иначе.
Мы глядели издалека,—
И причуда пришла нам по праву,—
На оранжевые облака,
На высокие красные травы.
На заморских диковинных птиц
В необычном сиреновом небе,
Пламя красок далеких зарниц
Пело в стеклышке детства волшебном.
Лишь потом мне открылся секрет,
А не в ту беззаботную пору,
Как обманчив был розовый цвет,
Как легко получается — черный!
Я заметил потом:
 неспроста,—
Только стоило мне присмотреться.—
Что с трудом возвращались цвета
На свое изначальное место.

СОРОКА

Летит сорока-белобока
Вслед за тобой по белу дню,
Ее прозвали балаболкой
За сплетни и за болтовню.
Но кто вас встретит и проводит,
Паря крылами на весу.
Другого нет экскурсовода
Для гостя каждого в лесу.

Зато раздастся грай сорочий,
Когда ей кажутся враги,
Как зашумит,
 как застрекочет,
Хоть сразу из лесу беги.
И в зной,
 и в зимнее ненастье,
Когда от снега лес пернат,
Летят другие восвояси,
Она родным местам верна.
Иду по роще с ней проститься,
Одетой в черно-белый фрак.
Ищите, мальчики, жар-птицу,
А я простой сороке рад.

* * *

Позаросли озера ряской,
Уснули беспробудно щуки,
И сами мы уже с опаской
К дарам природы тянем руки.
Теперь все чаще в глушь кромешную,
В места особо потайные,
Уходят братья наши меньшие,
Простые жители лесные.
Умолкли звонкие свирели...
Лесные милые артисты,
Да неужель вы оробели
Перед свирепостью транзисторов?
Как прежде,
 взвейтесь утром рано,
На взмах крыла —
 до небосвода,
До зорь вечерних охраняя
Ее величество — природу.
Но не заплачет флейтой иволга,

Не полыхнет хвостом лиса,
Все больше строчек в Красной книге,
Все меньше пенья птиц в лесах.

САНИ

Мелькали рощи и дома,
Летели мы быстрее ветра,—
Простор сверкающий.

Зима.

Мальцы, тулупами согретые.
Ядрен березовый настой.
Сугробы снега.

Бездорожье.

Перед глазами — конь седой.
Деревья, как сосульки.

Вожжи.

И не с тех пор ли в нас всегда
Есть ощущение полета?
И вот — грохочут поезда,
Ревут турбины самолетов.
Теперь мы дальше и скорей
Стремимся мчаться по планете,
Но не со свиста ли саней
Берет начало взлет ракеты?
На сумасшедшем вираже,
В неукротимо быстром беге,
Сейчас не верится уже,
Что кто-то едет на телеге.
Но в памяти я берегу,
Одолевая расстоянья,
Полозьев пенья на снегу.
Седую лошадь.

Иней.

Сани.

БЕРЕЗКА КОСМОНАВТА

Почетному гражданину
Петропавловска
В. А. Шаталову

Маленькой космической блестящей
Видится в холодной синей мгле
Космонавту хрупкая березка
На степной неласковой земле.
Видится надеждою и верой,
Лебединой сомкнутостью рук,
Той, какую бешеные ветры
Никогда уже не разомкнут.
Знаю:

как бы ни были прекрасны
Звездные далекие пути,
Только на Венере и на Марсе
Нам таких березок не найти.
Ласковые шелковые косы,
Эта ширь бескрайняя полей,
Трижды верю в то:
 чем ближе космос,—
Тем родней березка на земле.
Солнцу к тонким веткам прикасаться,
Ветру гнуть ее девичью статью,
На земле рождаться космонавтам,
От березок в звезды стартовать.
Там, во мгле, я знаю, трижды дорог
Край, с которым нас судьбой светло...
От степных березовых просторов
Даже в бездне космоса светло.

* * *

Древние наивней были нас.
Древние обычаи хранили.
Они в вечность в роковой свой час
С полным снаряженьем уходили.
Свято верил в тот последний миг
Уходивший в царство неземное,
Что придет он снова в этот мир
И курган заброшенный разроет.
Постоит печально,
 помолчит,
На холме след давний обнаружит,
Память предков бережно почитит,
Заберет одежду и оружие.
... Канет в вечность груз его забот
И следы соленный ветер скроет.
Отчего же в наших жилах бьет
Ток все той — степной горячей крови?
Я уйду,
 как все, что есть, уйдет,—
В мир иной —
 без горечи и страха.
Может быть,
 придет и мой черед
Восставить из пепла и из праха.

КРЫЛЬЯ

И самый мудрый аксакал
Ответить на вопрос бессилен,
Откуда в нас жила тоска
Так неосознанно —

о крыльях.

И кто б, скажите,

не отдал

Всю жизнь за взлета миг счастливый?
Летел над степью конь тулпар,
Над Русью — конь золотогривый.
Наверно людям неспроста
Из уст в уста мечту дарили...
Тот, кто о крыльях не мечтал —
Тот не имел вовек бы крылья.
Мы мчались вдаль быстрее мечты
На птице-тройке в чистом поле,
И не боялись высоты,
Летя с макушек колоколен.
Простор безбрежен и суров
Слились, как вихрь,

в снегах косматых

Лихая удаль ямщиков,
Джигитов смелых,

космонавтов.

Идем с тобой смотреть байгу

В степные дали,

где игриво

Из края в край, смеясь, бегут
Пшеницы золотые гривы.

И рвутся в высь, лишь посмотри,
Как восклицательные знаки,
Карагандинских шахт копры,
Стальные вышки Мангышлака.

Да будет славен наш союз
Полетом дружбы неуклонным,
Горячей, как Экибастуз
В грузенных солнцем эшелонах.
Разбег — и спрятаны шасси...
Мечта!

Ты нас не обманула,
Не сердце ли твое, Турксиб,
Пылает в маках Байконура,
Туга сухих ветров камча,
Но им навстречу катит с силой
Крутые волны Капчагай,
Срываясь чайкой белокрылой.
О, миг полета

— смелых дар,
Взметнувших крылья горделиво.
Есть у казахов конь тулпар,
У русских — конь золотогривый.

ПАМЯТЬ

Вагоны тихо дрогнули,
запели,
Качнулась в небе дальняя звезда,
По памяти,
как будто по туннелю,
С включенным светом мчатся поезда.
В них нет свободных мест,
они забиты,
За перестуком лет —
за стыком стык —
Чего ищу я
в днях полузабытых,

Каких друзей
и недругов каких?
Как проводник,
билеты проверяя,
Заметит вдруг на дальнем полпути,
Как верных спутников
мы каждый день теряем,
Не успевая новых обрести.
Друзья уходят —
книгу лет листая,
Вдруг удивисься на краю земли:
Да на каком же это полустанке
Они так неожиданно сошли?
И вот уже вагоны опустели,
Уходят пассажиры навсегда...
По памяти,
как будто по туннелю,
С включенным светом мчатся поезда.

* * *

Я был метелью опален,
Не в силах в дом пробраться...
Крутился бешено рулон
Бумаги на ротации.
Потом все стихло...
среди тьмы
Лежал снег непочатый.
Смотрите —
весь тираж зимы
За вечер отпечатан.
Ну, а когда седой рассвет
Пробил в ночи полосу,
Белели кипами газет
Почтовые киоски.

ВОРОН

Будто чуя хмельное вино,
На пиру предвкушая удачу,
Надо мною кружит воронье,
Злых намерений в клювах не пряча.
Так и слышишь базарный галдеж,
Не о том ли, что, может, однажды,
Ты от свары лихой не уйдешь,
Утолишь ненасытную жажду.
И ведет за добычу свой спор
Воронье.

Суется проворно...

Вечно ссорятся с вором вор,
Ворог с ворогом.

Ворон с вороном.

Но сегодня меня им не выкликать,
Я их вздорному крику не в счет,
Ворон ворону глаз не выклюет?
Ерунда!

И его он склюет.

ПОЛЕВОЙ ВАГОНЧИК

Его на край света буксировал трактор.
Как трос, за собой горизонт натянув,
А кто-то из хлопцев гвоздем нацарапал
У входа в вагончик:

«Даешь целину!»

Его обживали ребята недаром,
Гудела в углу раскаленная печь,
И вьюга не раз на обжитые нары,
Пробуяствовав ночь, мечтала прилечь,
Напрасно прокравшись к дверям втихомолку,

Крутились лисою и этак, и так,
Не дал ей с напутствием добрым путевку
Безусый еще комсомольский вожак.

...Как в годы былые,

в седые рассветы

Вагончик целинный по трассе везут,
И вновь разбираются вдребезги ветры,
И светят улыбки сквозь гарь и мазут.
Спасибо ему за целинную верность,
За то,

что его не состарить годам.

...Вагончик целинный

и рядом цистерна,

А значит —

рождаться в степи городам.

А значит —

шуметь раззолоченной ниве,

И песням, как птицам, в просторах звенеть,
А значит — и сны будут сниться счастливые
Мальчишкам,

родившимся на целине.

А значит —

и с вьюгами спор не окончен...

Окошками зорко смотря в тишину,
Стоит порыжевший целинный вагончик,
И надпись не стерта:

«Даешь целину!»

СТАНЦИЯ ДЕТСТВА

За окошком — травы росные
Да березовый родник...
Слышу:

«Станция Зарослое» —
Объявляет проводник.
Ну, кому сказать спасибо,
Что неброская на вид,
На больших путях Транссиба
Эта станция лежит.
Никакой другой на свете
Я за эту —

не отдам,
Строго девушка в берете
Семафорит поездам.
Замечаю с косогора,
Как просторы широки,
Как проходят мимо скорые
И гремят товарняки.
Может, именно отсюда
Той порой пороховой
Зачехленные орудия
Проплывали предо мной.
Марш играя в сорок пятом
На гармонике губной,
Мимо станции солдаты
С песней ехали домой.
Ликовали мы...

но только
Непонятно было нам,
Почему соседский Борька
Волю горьким дал слезам.
Что понять мы не сумели,—
Понял я в тот самый миг,

Как к продымленной шинели
Своего отца приник.
И теперь, хоть стал я взрослым,
Ни уехать, ни уйти,—
Всюду станция Зарослое
На моем лежит пути.
Я приеду не однажды
В дорогие мне края...
Видно, есть всегда у каждого
Детства станция своя.

ОКЕАНЫ

Луной безлюдною облитые,
На избы, реки и стога
К нам,
 с океана Ледовитого
Летят скользящие снега.
А вслед за холодом арктическим
С густым туманом на заре
Тепло приносит
 Атлантический,
И льются ливни в декабре.
Преодолев времен откосы,
Вхожу я в свой полярный край,
Где сжав камчу, степняк раскосый
Бессильно стонет: «Апырай!»
Гнедой зрачком подводит косо,
И слово хлесткое, как кнут,
Степной узун-кулак доносит
До всех зимовий:
 джут,
 джут,
 джут.

Игра судеб, игра обмана,
 То буйны волны, то — тихи,
 Идет сражение океанов,
 Противоборство двух стихий.
 И в нас стихия не смолкает,
 Мы рвем дверь настезь на заре,
 И вдруг поймем —
 снег выпал в мае,
 А дождь пролился в декабре.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Только не сжата полоска одна...

Н. Некрасов

Лишь строка из творений поэта,
 Но за нею эпоха видна,
 И душой я болею, что где-то
 Все не сжата полоска одна.
 Я живу в этом веке иначе,
 Хлеба вдоволь.

Хожу не босой.

Только грустную думу не прячу
 Над несжатою полосой.
 ... Бродят осени запахи бражные,
 Нива сжата.

Спадает роса.

Но, наверное, в жизни у каждого
 Есть несжатая полоса.

СЛОВА

Мне б крикнуть:
«Воду, друг, сливай!»,
Когда бубнят нам, как в трубу,
Святые вечные слова
Иные лекторы с трибун.
Они, как порожняк, гремят,
Не став от этого звучней,
И вот грохочет водопад
Крупнокалиберных речей.
А я стесняюсь громких слов,
Сдираю с них бесцветный лак,
И тем ораторам назло
Пишу и думаю не так.
А те прекрасные слова,
Что в сердце лишь дано носить,
Нам надо выстрадать сперва,
Потом — произносить.
Высоких слов заветный ряд,
Что в штамп пустой заряжены,
Я б запретил употреблять
Моральным кодексом страны.
Чтоб лишь, когда настанет срок,
Когда придет такой порыв,
Их вырывали, как клинок,
Что в ножнах дремлет до поры.

ЗОРЬКА

Только выйдет зорька,
Рассветет едва,
Запрягаем Зорьку,
Едем по дрова.
Гонит ветер листья
На проезжий тракт.
Птицами освистан
Чахлый березняк.
Мы въезжаем в лето,
Пряно пахнет луг.
Как скрипит телега
Без хозяйских рук!
Воздух бирюзовый,
Тишь да благодать...
В сапогах кирзовых
Сучья рубит мать.
Забираясь в поросль
Меж сухих берез,
Мы таскаем хворост,
Складываем в воз.
С братом смотрим зорко,
Как в свою судьбу,
Где корова Зорька,
Звездочка на лбу?
Ей остаться б дома,
Лес ей, как тюрьма,
Рог один обломан,
Да к тому ж хрома.
Но она беззлобно
Воз везет домой,
Запряжен в оглобли
Целый шар земной.
Снова тракт разбитый,

Ветра свист нам вслед,
Молока попить бы,
Но — ни капли нет.
Едем мы в деревню,
В тусклый небосвод...
Год послевоенный —
Очень трудный год.

ЯНДЕБА

Злые волчьи ягоды,
Сосен перепляс...
Берег речки Яндебы
Вдаль уводит нас.
Ах, туманы ранние,
Сумрак тишины,
Едем с ветеранами
По следам войны.
Здесь стояли насмерть
В зоревую стынь
Надолбы и насыпи,
Ржавые кусты.
Берега неровные...
Там, у высоты,
Капельками крови
Проросли цветы.
Не цветы — осколки
От ручных гранат,
Проволока колкая,
Нет пути назад.
Некуда деваться,
В жизнь возврата нет
В эти девятнадцать,
В двадцать с лишним лет.

В их бы очи глянуть,
Слышать голоса...
Ясные поляны,
Хмурые леса.
Сколько ж нам отмерено?
Если упаду —
Из куска фанеры
Вырежьте звезду.

* * *

А шали черные — к разлуке,
Там, за околицей села,
Роняли Ярославны руки
Как лебедь, белые крыла.
И ждали в будни,
 ждали в праздники,
И сколько ждать им впереди
С каких же пор они повязаны
Крестами шалей на груди?

* * *

Творенье — это та же магия,
Вот и колдуешь над строкой.
И непорочный лист бумаги
Слепя, лежит перед тобой.
Как первый снег, такой он белый,
Что отлиывает синевой.
В душе рождается несмело
Еще неясный голос твой.
Но длит мгновенье за мгновеньем
Молчанье чистого листа,
Пока душа от изумленья
Не разомкнет свои уста.

ПРОХОЖИЙ

Зарядил осенний дождик
И прядет за нитью нить,
Мокнет под дождем прохожий,
Мне б его остановить.
Взять под локоть, словно друга,
В дом любезно пригласить,
Посадить бы в красный угол,
Пирогам угостить.
Поделиться доброй песней
Да кручиною своей,
Сколько в мире интересных
И незнанных людей.
И когда идем мы в стужу,
В злую ветреную ночь,
Как нам друг хороший нужен,
Как бы мог он нам помочь.
...Дождь идет да ветер выюжит,
Листья кружатся в окне.
Может, кто-то также тужит
И нуждается во мне.

РОЖДЕНИЕ

Как мучает порою нас,
Как все на свете поколенья,
И в добрый,
и в недобрый час
Загадка нашего рожденья.
Мы начинаем вспоминать
Степных пожарищ привкус знойный,
Когда нас провожала мать
На наши праведные войны.

Эпохи, годы, времена
Прошли
 промчались,
 отпылали,
И позабыл я имена,
Какие в прошлом мне давали.
Но все же я когда-то был,
Я вспоминаю смутно-смутно,
Как по родной земле ходил
И от нее ушел под утро.
Придет когда-нибудь пора,
И мне расскажут,
 как я сбылся,
И сколько раз я умирал,
И сколько —
 заново родился.
И там, где от стрелы врага
Я пал лицом к закатам вьюжным,
Стоит заброшенный курган
С моей одеждой и оружием.
В каком же веке и году,
Печальный прах вдруг потревожив,
Я за мечом своим приду
И вырву молнию из ножен?

В ПОЛНОЧЬ

Полет звезды!
 Он был иль не был?
Качнулись вечности весы...
Как циферблат ночного неба,
Горят наручные часы.
Вот хвост Медведицы,
 вот — Млечный...

Бездонны звездные пути.
Сейчас бы стрелки жизни

В вечность

Движеньем рук перевести.
Чтоб каждый миг ее заполнить,
Доделать добрые дела.
Сияет звездный циферблат,
Часы показывают полночь.

ЦЕЛИННАЯ ПАЛАТКА

Нет, не для праздных ротозеев
Она сменила ширь полей
На тихий уголок музея
И снова радует людей.
Пусть молодым она расскажет,
Когда придет заветный миг,
О нашей юности отважной,
О современниках моих.
О длинных шумных эшелонах,
В которых —
жарко, как огонь,—
Что звезды таяли студены,—
Рванула удалю гармонь.
О том, как в стыни невеселой,
С упорством твердым, как гранит,
На месте будущих поселков
Был первый колышек забит.
Как в первый раз
в степи разбуженной
Колосья стали бронзоветь,
Как согревал
и в дождь, и в стужу
Тугой палаточный презент.

Как хлопцы с жаждой неумемной,
С улыбкой доброй, озорной,
В ладонях от мазута темных
В страду баюкали зерно.
Как парни тульские и вятские
Пришли на зов степных дорог...
И в речь казахскую вплетался
Солёный волжский говорок.
Как жег мороз,
 хлестали ветры,
Но взяв дары степи сполна,
Открыли сердцем мы планету
С названьем кратким — целина.

* * *

Мне кажется — хитрит молва,—
Не относитесь к ней с доверьем,—
Когда вещает, что Москва
Слезам не верит...
 Верит! Верит!
Как верила с былых времен,
Когда смахнул слезу Кутузов,
Оставив на обед французам
Одно жаркое из ворон.
Как верила сухим,
 не пресным,
Что кровью сердца в нас горят,
Слеза героев Красной Пресни,
Не покидавших баррикад.
Как верила, когда вокруг
Зажглось войны священной пламя
И отчеканил политрук:
«Ни шагу, друг!
 Москва за нами!»

ОБОРВАННЫЕ СТРУНЫ

Играют вальс «Оборванные струны»
На встрече разных лет выпускников,
И выплывает в белом платье юность,
И машет нам приветственно рукой.
А сверху, в черных рамочках разграфленных,
Глазами не вернувшихся ребят
Со школьных стендов строго фотографии
На нас из сорок первого глядят.
Играют вальс...
И вспыхнет в сердце пламя
Лет грозových у каждого из нас.
И пусть простят подруги,
 если память
Вдруг кто-то пригласит на этот вальс.
... Играют вальс.

 Полки уходят маршем
Под грохот орудийных канонад,
А мы сейчас, наверно,
 вдвое старше
Со школьной парты призванных солдат,
Еще безусых, озорных и юных,
Входивших в классы столько лет назад.
... Смолкает вальс «Оборванные струны»,
Но струны лет оборванных звенят.

* * *

...Я убит подо Ржевом.

А. Твардовский

Трава окопная ржавеет
На поле отгремевших битв,
В том сорок первом

подо Ржевом

Я не был в грозный час убит.

Горела рожь.

Дымились зданья.

Снаряды рвали тишину.

А мы родиться опоздали

С тобой на целую войну.

Нам не пришлось изведать ада,

Сражаясь насмерть той порой,

У стен стального Сталинграда,

Шагать в бессмертье под Москвой.

И с дерзкой огненной отвагой,

Которой хватит на века,

Автограф высечь на рейхстаге

Граненым лезвием штыка.

Не довелось нам в порыжевших,

Но твердых строчках,

как гранит,

Живым поведать:

подо Ржевом

Я в сорок первом был убит.

ПЕСНЯ

Эстрада кружит получашей,
А на эстраде песня пляшет,
На сцене микрофон беснуется,
Но сердце что-то не волнуется.
В такт песне

дергая плечами,

Терзает струны бард отчаянно
Про вздох души

и робкий взгляд,

О чем на людях не кричат.
Он щиплет струны, что есть мочи,
А мне бы —

«Синенький платочек»,

Хочу, чтоб зимняя тоска
Звучала песней ямщика.
Чтоб в сердце ало зарябила,
Качаясь,

тонкая рябина.

И одинокая гармонь
Будила чистых чувств огонь.
Чтоб встретила мне утром росным
Девичья песня проголосная.
... Устав от шума, пляски, топота,
Душа кричит на полушепоте!

* * *

И взглядом тоже предают,
Как будто что-то продают,
Отводят в сторону глаза,
Когда грозит бедой гроза,
Когда бы сердцу только надо
Лишь голубую ясность взгляда.

И подлости давая сдачу,
Взгляни ты на того в упор,
Кто тихий взор стыдливо прячет,
Чтоб не вмешаться в трудный спор.
Чтоб не прочли в нем,

не заметили

Коварную, как в спину нож,
В глазах припрятанную ложь,
Чтоб ни за что не быть в ответе.
Они умеют быть приятными,
Но мы с прозреньем в них глядим...
О, это тихое предательство,
Неуловимое, как дым.
Я думаю про дни те вьюжные,
Про те тревожные года,
Когда к нам приходило мужество,
Чтоб не покинуть никогда.

И я боюсь:

вдруг в непогодину,
За тихий угол и уют,
Сегодня — друга,
завтра — Родину
Глаза вот эти предадут.

ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ

Остановили и оставили,
Загнали поезд наш в тупик.
Состав уходит за составом,
А он стоит один в степи
Наедине с малюткой-станцией,
Среди стальных гудящих пут,
Когда бы надо только мчаться,
Когда бы надо в путь да в путь!

Но превращал в часы минуты
Пустынный крохотный вокзал,
Да радуга в пятне мазута
Блестела тускло среди шпал.
Так мы стояли где-то с краю,
Казалось, будто навсегда,
Стояли, молча пропуская,
Составы, судьбы и года.
Казалось, вот мы с места тронулись,
Не веря собственным глазам,
Но скорый уносил вагоны —
И тот же выросал вокзал.
И только в тишине упорной
В даль поезд времени катил,
Но вот, цепляясь за опоры,
И нас рванул локомотив.
Так, сквозь сигналы пропускные,
Вперед, судьба моя, лети,
Не выбирая запасные,
А только главные пути.

ГУСИ

Выгибая царственные шеи,
Призывали кликами они
Вместе с ними разделить лишенья,
Миг полета,
 кочевые дни.
Улетали вдаль единой ратью,
Землю оставляя под крылом...
Ну, а их домашние собратья,
Гогоча ходили за селом,

И свое предчувствуя бессилье,
Полететь за ними не могли...
Можно жить,
 иметь для взлета крылья
И не оторваться от земли.

* * *

Не дрогнула охотника рука,
И грянул залп по птицам перелетным,
Как лебеди, умолкли облака,
Проплыли медленно полей полотна.
Упала песня алая на луг,
Забилась зябко крыльями рассвета,
Но только в песне был совсем не юг,
А маленькое северное лето.
Вошли, как вечность, в тот безмолвный крик
Поля, луга, речушка с бродами...
Каким коротким был последний миг,
Какой большой неласковая Родина!

ЖАМАН — ШУБАР *

Сабиту Муканову

Жаман-Шубар.

 Полынная тоска.

Белеет в солонцовых пятнах небо,
Раскинут в юрте щедрый дастархан,
Но он у бая не попросит хлеба.
Пусть он босой.

 И в порванных штанах,

* Аул, где родился видный советский писатель Сабит Муканов.

Но маленький провидец,
 выйдя в поле,
Поверит в эту землю!
 И она

Еще восстанет из тоски и боли.
И горький сирота проглотит ком обид,
И доброта людей согреет в холод.
Ты извини нас, маленький Сабит,
Что мы не знали, что такое голод.
И уроженец этой же земли,
Другой судьбы взамен себе не требуя,
Как я с тобой хотел бы разделить
Твои непозабытые мектебы.
Потом здесь был высоких дум родник,
Летела мудрость птицею на волю,
... Не аксакал, а мальчик тот приник
Спустя полвека к дорогому полю.
Он шел, не в силах взором отыскать
Зеленый берег детства грозowego.
Жаман-Шубар.

 Полынная тоска.

Проросшее пшеничным злаком слово.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Все отступило — боль и беды,
Свинцовые метели лютые.
Пришел заветный миг победы
И вспыхнул звездами салюта.
Пришел с задымленных окрестностей,
Сполна изведав муки ада,
От стен твердыни — Брестской крепости,
С крутых откосов Сталинграда.

Пришел, чтоб стать великой датой,
Чтоб пали ниц на Красной площади
Паучьи черные штандарты,
Как будто птицы заполошные.

Пришел,

 когда из мутной Шпрее
Шеломом-каскою помятою
Земляк мой,

 смугло бронзовея,
Черпнул водицы в сорок пятом.
Пришел недавно

 и... давно,

На боль высокую не сетуя,
Мы помним все Бородино,
И вот теперь есть Дубосеково.

Пришел,

 чтоб Гете рядом с Пушкиным
Звучал напевно в сердце русского,
Пришел, чтоб после грома пушек
Разлиться соловьями курскими.

ЛУННАЯ СОНАТА

Война безумствовала в мире,
В глазницах окон — ночи власть,
И только из одной квартиры,
Как пламя,

 музыка рвалась.

Сначала плавно, тихо, робко,
Грустна немножко

 и светла,

Как будто одинокой тропкой
По саду девочка прошла.

Потом все громче,
громче,
громче

Сквозь притаившийся квартал...
И каждый знал, что бой не кончен,
И каждый бой свой начинал.
Казалось:

в небе грозы бродят,
И грома нарастает гул,
И чужеземец, сдвинув брови,
Вдруг крикнул: «Больше не могу!».
Надменно дернулись кокарды.
Блеснули холодом штыки.
Громили «Лунную» прикладами,
И ноты рвали на куски.
Грозили мраком и бедою.
Но сквозь войны зловещий вой
Над миром ликовал Бетховен,
Повстанец с львиной головой.

ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ

О, поздних ягод сладкий яд...
Как бродит дух медовый в чаше!
Они уже чуть-чуть горчат,
И оттого наверно слаще.
Не рвали люди их давно,
Но все ж сорвать не позабыли,
И выйдет доброе вино,
Когда загонят их в бутылки.
Ударит в дно горячий ток,
Поищет выхода и броду...
Вот так и молодости сок
До поздней осени в нас бродит.

ЗВЕЗДОЧКА

Нет, не за хлебом,
 а за джинсами
Сегодня в очередь стоят,
Готовые отдать полжизни
За этикеток маскарад.
А в наше время было просто:
Была б картошка горяча,
Да перешитая по росту
Шинель с отцовского плеча,
Да ветры в лица, опаленные
Минувшей трудною грозой...
Что эти джинсы и дубленки
Перед пилоткой со звездой!
Мои ровесники! Погодки!
Кому сейчас за сорок лет,
Поизносились те пилотки,
Реликвии военных лет.
Но мы носили их с любовью,
Простые,
 скромные на вид,
И вечно капелькою крови
Для нас та звездочка горит.

ТОВАРНЫЙ ПОЕЗД

Эгей, мальчишки!
 В памяти поройтесь,
И в ней былые годы пролистайте,
Как на ходу вскочив в товарный поезд,
Мы мчались мимо роц и полустанков.
Как отплывали в сторону вокзалы,
Как мы летели в поисках удачи,

И нам почти волшебными казались
Глаз семафора,

башня водокачки.

Сверкали рельсы серебристой сталью,
В глаза мигнув пронзительным фонариком,
Нас ревизоры строгие снимали
Из детства прямо —

по дороге...

к африкам.

Вновь поезда сквозь годы отправляются,
И в сорок лет нам слышен детства зов,
И часто ночью в наши сны врывается
Знобящий свист товарных поездов.
И учащенной в час тот бьется сердце,
И за собою нас зовут просторы,
Вскочить бы с ходу

на подножку детства,

И пусть потом снимают контролеры!

* * *

Еще цветы не вянут поздние,
С прищуром добрым солнце греет,
И мы с тобой идем по осени,
Как по картинной галерее.
Светлым-светло в прозрачном колке,
Где на шедевры мы глазеем,
Как в Лувре или в Третьяковке,
Иль в залах Русского музея.
Пойдешь ли вправо, влево, прямо —
И запоют под птичьи трели
Картины в золоченых рамах —
И натюрморт,
и акварели.

Осенний желтый лист летает
И озаряет нас,
 как вспышкой,
Вечерним светом Левитана,
Сосновым утром
 кисти Шишкина.

ГРОЗЕ НАВСТРЕЧУ

Даль потемнела —
 из огня и стали,
У дня и ночи где-то на границе,
Войну напомним,
 сабельно сверкали
За горизонтом дальние зарницы.
Зигзаги молний шарили сурово
По небосклону,
 что чернее страха...
Казалось:
 из ракетных установок
Гроза по травам луговым бабахнула.
Давая жизнь цветам,
 посевам,
 полю,
Погожим дням,
 малиновым рассветам,
И радостно дышалось грудью полевой,
И засекаать не надо те ракеты.
Шагая в полный рост грозе навстречу,
Я видел:
 тучу луч пронзает тонкий,
И перекинув радугу на плечи,
Боятся небо расплескать девчонка.

ПЕТРОВКА

К берегам Ишима подступив,
Среди рощ раскинутая ловко,
Затерялась далеко в степи
На путях завьюженных Петровка.
Высятся дремучие стога,
Шествуют на пастбища вдоль рова,
Зори поднимая на рога,
С древнею тоской в очах коровы.
Пропылит нагруженный прицеп,
Душен летом горький дух полыни,
А по осени высокий хлеб
На полях, как дождь весенний, хлынет.
От научных центров вдалеке
Никогда не ведала деревня,
Притулившись избами к реке,
Что она всех сел в степи древнее.
Долго здесь хранили старину
Берега ишимские пологие,
Но пришли в Петровку археологи,
Землю всю вверх дном перевернув.
Глянули с коровьей тоской
На пришельцев вековые были.
Да!
Здесь жили,
разводили скот,
Воевали,
плакали,
любили.
Кажется, что в отблеске зарниц
Все еще грохочет топот конский.
Экипажи быстрых колесниц
Из веков летят навстречу солнцу.
Время их присыпало золой,

Скрыты страсти,

радости, обиды...

Сколько лет лежащей под землей
Древней пришимской «Атлантиде»?
Что там скрыто в вековой пыли,
В этой вязкой глиняной породе,
... Ураганом по степи прошли
Древние неизвестные народы
Много отшумело здесь эпох.
Орды разбрелись по белу свету,
... Как в Петровке зол чертополох,
Что пророс колючим ржавым цветом.

* * *

А высшее веселье — грусть,
И этой грустью душу лечат,
Летит ко мне, как белый гусь,
Зима метельная навстречу.
Имеет право грусть на жизнь,
Я сотню раз хоть с кем поспорю,
Что грусть — совсем не пессимизм
И не тоска в минуту горя.
Но убедительно и веско
Мне говорят: «Грустить нельзя».
Мне говорят: «Чего невесел?»
На разных праздниках друзья.
Как объяснить им, что совсем
Не в громком гомоне веселье,
Не в том, чтоб вдруг взорвался смех,
Не в том, чтоб песни хором пели.
Когда тепло друзей не греет,—
Приятен снега свежий хруст...
И подтверждают мне деревья,
Что высшее веселье — грусть.

ЦВЕТОК

Зной сушил.

Гремели грозы,
Но от солнца разомлев,
Расцвели однажды розы
На неласковой земле!
Расцвели вполне законно,
И сорвав цветок с куста,
Паренек в комбинезоне
Чуть присвистнул:

— Это да!

Ярче зорьки полыхал он,
Хоть возьми да прикури
От горячего и алого
Огонька степной зари.
Нес цветок он,

как надежду,

Чтоб девчонке подарить,
И боялся—

как бы нежность

Невзначай не уронить.

К лепесткам приблизив губы,
Он дыханье затаил...

Да!

Рукам в мозолях грубых
Целый мир послушным был.
Эти ночи и рассветы
Уронить бы он не смог...
Легче удержать планету,
Чем единственный цветок.

* * *

Приходи,
 ветерком теплым дунь.
Синеглазый ты мой, белокурый июнь.
И приходит из давних времен
Тополиный циклон,
 тополиный циклон.
Он лебяжьей метелью метет,
Словно птица подстрелена влет.
Застревает пух в волосах,
Пух в автобусах и в небесах,
Я читаю стихи тебе вслух —
Забуранил улицы пух.
А давно ли,—
 пух, не балуй,—
Ты пушинкой плыла на балу,
Где-то рядом с тобою я был,
В белом танце мир нас кружил,
Пух летит..
 Он бывает злой,
И для нас обернулся зимой.
... Тополиный пух над полями,
Пахнет первый снег тополями.

ОДИНОЧЕСТВО

Ты говоришь,— и ты права,—
Что мне бывать нигде не хочется,
Что стал я чаще выбирать
Себе в подруги одиночество.
Оно уводит за собой
В молчанье на высокий берег,
А вслед мне, объявляя бой,
Сердито громяют двери.

Что ж!

Предпочел я всем речам
Друзей за праздничным застольем
И гомон птиц,
и звон ручья,
И шум колосьев в чистом поле,
Лесной опушки светлый край,
Раздолье неба голубого,
Ну, а теперь меня ругай,
Я виноват перед тобою.

* * * ✓

В цветенье гнутся ветки,
Скользит по ним рассвет...
Да как мы не заметили
Годов опавших цвет?
Потом мы не заметим
Осеннею порой,
Как трижды свистнет ветер
За хмурою рекой.
Как отгорят закаты
И грянут холода,
И в этот мир возврата
Не будет никогда.

* * *

Я сразу дождь узнал по голосу
Хотя казалось,— обознался,
Казалось, что пшеничный колос
Медовой силой наливался.
Казалось, что за дальней рощей
Все было дивных звуков полно:

Плескался луг,
 травой поросший,
Шумели листья,
 пели волны.
Казалось, что в безбрежном поле
Лучи соломы ворошили,
А, может, просто на ночь волосы
Освободила ты от шпилек...

РЕВНОСТЬ

Не зря ее всегда ругают,
И я тебе сейчас не лгу —
Она меня подстерегает
На каждом, может быть, шагу.
Лишь выйдем в степь,
 ревную к ветру,
Что для тебя цветок сорвал,
Ревную к солнечному лету,
Одетому в твой сарафан.
Ревную к шелковистым травам,
Тем, по которым ты идешь,
Ревную, тыщу раз неправый,
Когда облепит платье дождь.
Когда мы бродим переулками
И город сумраком объят,
Ревную к снегу,
 словно к скульптору,
Что взял в натурщицы тебя.
Хожу и мучают сомненья...
В ответ — молчанье.
 Ты права.
Прости меня, что всю вселенную
К одной тебе приревновал.

* * * ✓

Не надо женщину разгадывать,
Понять ее нам не дано,
Как в душу к ней ты ни заглядывай,
Как ни смотри в ее окно.

Вот так и ходишь,

околдованный,

Тропинку ищешь к ней свою,
Ну, а уста ее — медовые,
А в руках — по соловью.

И в миг заветного свиданья
Опять почувствовать ты рад,
И легкокрылых рук касанье,
И тихий жест,

и светлый взгляд.

Она и грусть твоя,

и радость,

Все то, что сам ты не поймешь,—

И высшая на свете правда,
И самая святая ложь.

Когда вдали мы или рядом,
Всех чар и тайн ее не счесть,
Не надо женщину разгадывать,
Прими такой, какая есть.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Спи в покое вечном,
В шелесте травинок,
Милое сердечко,
Матери кровиночка.
Выйдет солнце светлое,
Застучат кузнечики...

Но не будет лета
У холодной вечности.
Ах, как небо синее
Слезыньками вымыто...
Только, видно, сына
У судьбы не вымолить.
Смежены ресницы,
Тихий шорох лиственный...
Как тебе там спится,
Мальчик мой...

единственный!

Не дождусь ответа,
Задохнувшись болью,
Тишина...

Лишь ветер

Отпевает поле.
Душу бы согреть мне,
Но всё чаще, чаще
Падают рассветы
В тишину кричащую.
Ну проснись, мой ласковый,
Лишь тобой жива я...
Видно, только в сказке
Есть вода живая.

* * *

А у осени славна казна,
Посмотреть на нее дивно, любо,
Что не лист,

— то денежный знак,
Золотой иль серебряный рубль.
И пылая ларцами, хрустит
Под ногами червонное солнце...
За один только миг красоты

Платит осень любые червонцы.
Ну, а если уходит она,
То за ней никогда не угнаться,
Оглянись

опустела казна
И развеяно ветром богатство.

ПРЕДЗИМНЕЕ

Стоит пора предзимняя,
В краю, где мы живем.
Дымок густой и синий
Клубится над жнивьем.
Надолго в скирдах лето
Укрылось от очей,
На нивах — отблеск света
Соломенных лучей.
За горизонт пролился
Холодный сок зари.
С деревьев вместо листьев
Слетают снегири.
Продрогший и поникший,
Притих за полем лес.
В туманных далях слышен
Высокий звон небес.
А это над равнинами
Родимой стороны
Надрывно журавлиные
Рыдают две струны.
А это вдаль уносится
Шуршанье камыша...
А это просто осени
Касается душа.

* * *

Полдень подремать в степи прилег
Под шуршанье скошенного колоса,
Русой песней заплетен валок,
Как коса у девушки до пояса.
Купол неба ясен и высок,
Выдалось погожее «оконце»,
Разотрешь шершавый колосок —
И блеснут в ладонях капли солнца.
Ну, а рев моторов горячей,
Воздух ароматом трав напоен,
Скирдами из солнечных лучей
Убегают к горизонту поле.
И когда из огненных печей
Вынут хлеб,
 нас летом обдавая,
Кажется, из золотых лучей
Сотворили эти караван.
Меду течь — не вытечь по устам,
Убран хлеб,
 А это значит в селах
Девушкам пригожим расплетать
Чудо-косы...
 Свадьбам быть веселым.

СОДЕРЖАНИЕ

«Отлиты строки из металла...»	5
Ручей	6
Волшебное слово	—
Роль	7
Огонек	8
Второе зрение	9
Кардиограмма	10
Ночные телеграммы	—
Лебеди	11
Первый огонь	12
Угол	13
«За косогором колосится рожь...»	—
«А гриб чудовищный потряс...»	14
«Пикируют птицы...»	15
Не в счет	16
Манекены	17
Цветное стекло	19
Сорока	—
«Позаросли озера ряской...»	20
Сани	21
Березка космонавта	22
«Древние наивней были нас...»	23
Крылья	24
Память	25
«Я был метелью опален...»	26
Ворон	27
Полевой вагончик	—
Станция детства	29
Океаны	30
Несжатая полоса	31
Слова	32
Зорька	33
Яндеба	34

«А шали черные — к разлуке...»	35
«Творенье — это та же магия...»	—
Прохожий	36
Рождение	—
В полночь	37
Целинная палатка	38
«Мне кажется — хитрит молва...»	39
Оборванные струны	40
«Трава окопная ржавеет...»	41
Песня	42
«И взглядом тоже предают...»	—
Запасный путь.	43
Гуси	44
«Не дрогнула охотника рука...»	45
Жаман-Шубар	—
День Победы	46
Лунная соната	47
Поздние ягоды	48
Звездочка	49
Товарный поезд	—
«Еще цветы не вянут поздние...»	50
Грозе навстречу	51
Петровка	52
«А высшее веселье — грусть...»	53
Цветок	54
«Приходи, ветерком теплым дунь...»	55
Одиночество	—
«В цветенье гнутся ветки...»	56
«Я сразу дождь узнал по голосу...»	—
Ревность	57
«Не надо женщину разгадывать...»	58
Плач матери	—
«А у осени славна казна...»	59
Предзимнее	60
«Полдень подремать в степи прилег...»	61

Владимир Георгиевич Шестериков
ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Стихи

Редактор *К. Бакбергенов*
Художник *Т. Лопатина*
Худож. редактор *Л. Тетенко*
Техн. редактор *Н. Галицкая*
Корректор *А. Ракишева.*

ИБ № 2113

Сдано в набор 02.03.83. Подписано к печати 10.05.83.
УГ 18132. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 2,0.
Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1808. Цена 30 коп.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Типография оперативной и билетно-бланочной продукции производственного объединения полиграфических предприятий «КИТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480016, г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 15/1.